

Борис Раббот и страницы истории, которые нам еще предстоит узнать

Борис Докторов

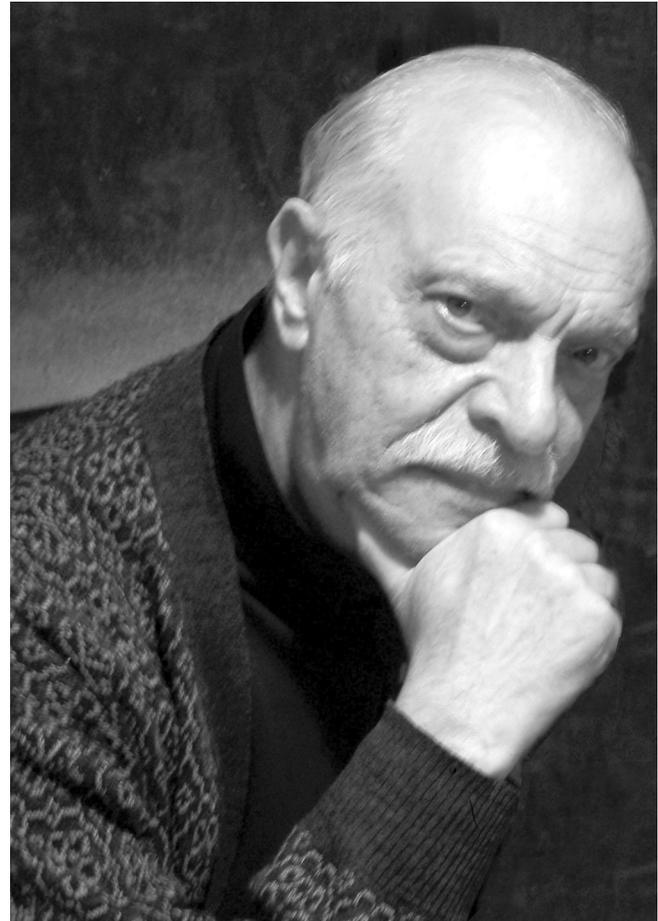
Импульсом к написанию и информационной основой настоящей заметки является вышедшая в Москве в начале этого года на русском и английском языках книга [1], знакомящая с биографией и деятельностью Бориса Семеновича Раббота (1930-2011). Сделано им как аналитиком социальных процессов, протекавших в советской и новой России во второй половине прошлого века, немало, но жизнь его сложилась так, что лишь совсем небольшое число социологов старших поколений — прежде всего — москвичей, помнят его. Книга содержит опубликованные и неопубликованные статьи и эссе Раббота, фрагменты интервью с ним, проведенного в 2008 г. Дмитрием Шалиным [2], а также вспоминая о нем его друзей. Составителями и редакторами книги выступили вдова Раббота американская писательница и переводчик Линн Виссон и его друг Василий Арканов — журналист и переводчик.

Цель, которую ставили перед собой составители книги, очевидна: познакомить читателя с Борисом Рабботом — человеком, социальным философом и политическим консультантом. На мой взгляд, им это удалось сделать. Книга вводит читателей в плотно закрытый и потому мало известный мир советской властной и научной элиты. Почти десять лет Раббот, будучи консультантом и помощником вице-президента АН СССР А.М. Румянцева, крупного ученого и партийного функционера высокого уровня, участвовал в выработке управленческих решений правительства. И потому мог наблюдать вблизи поведение представителей политического Олимпа. Более того, книга, рассказывающая о частном, как это нередко случается с работами историко-биографической направленности, заставляет задуматься об общем. О природе советского государства, характере его внутренней и внешней политики, а также о причинах и последствиях горбачевской перестройки. Причем подобные рассуждения возникают и при чтении биографии Раббота, и при анализе написанного им.

Мемуары и книги смежных жанров интересны многим. Знакомясь с судьбами других, люди пытаются переосмыслить собственное прошлое и по-новому взглянуть на годы, которые они прожили, вспомнить тех, кто встречался им на жизненном пути. В свете сказанного рассматриваемая книга будет интересна тем, кто помнит послевоенное время, события хрущевской "оттепели", годы косыгинских попыток усовершенствовать советскую систему хозяйствования, начало и закат брежневского периода и рождение перестройки. Но мне кажется, она вдвойне будет интереснее тем, кого интересует, как формировались первые поколения советских социологов и как рождалась отечественная социология. Во-первых, становление Раббота как личности и как социального аналитика проходило в той же социально-политической и нравственной среде, в которой "варились" ученые, известные сегодня всем как создатели советской социологии. Во-вторых, в силу своих служебных обязанностей и научных интересов он содействовал конституированию в СССР социологии и сам занимался теоретическими и прикладными социологическими исследованиями.

Но у каждого человека — своя жизненная траектория, по своему развивалась она и у Раббота.

Дороги, которые приводили граждан бывшего Союза в Америку (или в Израиль, Канаду, Германию, реже — другие страны) в начале 1970-х — конце 1980-х гг., многочисленны. Однако ясно одно, беспричинно никто не покидал Родину, дом, родных, друзей. В отдельных случаях доминировала одна веская причина, но, как правило, существовал комплекс копившихся годами объективных (политических, гуманитарных, культурологичес-

ких, профессиональных и пр.) и субъективных обстоятельств. Оставим в стороне случаи вынужденной эмиграции, когда гражданина СССР "выставляли" из страны. Здесь все предельно ясно: тюрьма или эмиграция. Или "психушка". Значительно чаще в указанный период люди покидали страну в силу накопившейся неудовлетворенности своей жизнью. Последнее, на мой взгляд, в полной мере относится и к Борису Рабботу.

Он родился в 1930 г., эмигрировал в Америку в 1976 г. и умер в 2011 г.; таким образом, момент эмиграции разделил его жизнь на два почти равных по продолжительности периода. Чисто "арифметически" бóльшая часть профессиональной жизни Раббота, оборвавшейся лишь с его смертью, протекала в США. Однако по важности сделанного им, по значимости вклада в политику и науку об обществе московский период, по моему мнению, много "весомее" нью-йоркского и, во всяком случае, представляет бóльший интерес для познания его личного мира и его деятельности. В Америке происходило естественное для ученого переосмысление, обобщение накопленного исследовательского опыта и жизненных впечатлений. Появилось то, что приводит к обществу с возрастом и открывшимися возможностями сравнивать сначала советскую и американскую действительности, а после 1985 г. — и постсоветскую реальность. Эмиграция изменила среду обитания и личную жизнь Раббота, но его научные интересы и гражданская позиция в основном оставались прежними.

Мать Раббота происходила из небогатой провинциальной еврейской семьи, в двадцатых годах она окончила Гнесинский институт и начала петь в Большом театре, но сорвала голос.

Она стала фармакологом; муж бросил ее во время беременности. Бабушка Бориса Раббота была очень верующей, в доме хранились религиозные книги, в частности, толкование Талмуда. Она учила внука по нему, до восьми лет он многое знал наизусть и неплохо читал на иврите. В интервью Шалину Раббот сказал: "После ее смерти постепенно почти все забылось, но что-то эмоционально в душе осталось. Я бы сказал, что это была некоторая интенция, которая меня толкала в сторону этой проблематики" [1, с. 38-39].

В краткой биографии можно было бы опустить упоминание о глубоко верующей еврейской бабушке и раннем знакомстве с религиозными книгами. Но в жизни Раббота этот сюжет — один из ключевых. Происходившее тогда сформировало ядро его ценностного мира и стало импульсом для профессионального самоопределения. И теперь, зная его жизненную траекторию, можно сказать, что именно тогда, в детстве он, конечно же, многого не понимая, оказался в начале дороги, ведущей в эмиграцию. Однако очевидно, что человек, вступивший на эту тропу, не обязательно проходит ее до конца. Думаю, что Раббот не покинул бы свою страну, если бы его профессиональная деятельность позволила ему в своей стране достаточно полно реализовать свой интеллектуальный и организационный потенциал и проявить свою гражданскую позицию. Но этого не произошло.

При получении паспорта он мог записаться русским по отцу, но, несмотря на протесты матери и родственников, в графе национальность указал "еврей". В условиях государственного антисемитизма конца 1940-х — первой половины 1950-х, да и в последующие годы дававший знать о себе "пятый пункт" Раббота затруднил его поступление на философский факультет МГУ, а позже — в аспирантуру и оказывался препятствием на протяжении всей его профессиональной карьеры. Вот, к примеру, воспоминания Раббота о трудоустройстве по окончании аспирантуры: "... в 1956-ом году (или в 1955-ом, точно не помню) вышел закон, по которому прежде чем защищаться [Б.Д.: защищать кандидатскую диссертацию], нужно было иметь печатные работы. Мы были первым поколением, попавшим под этот закон. Защищаться мы не стали, но ребята так или иначе устраивались на работу, а для меня, еврея, это была тяжелейшая проблема. Я помню, я вел список после студенческой скамьи, во сколько мест, в какие двери я стучался, чтобы устроиться, и где получал отказ, хотя знал, что там, куда я ходил, были вакансии. В первом случае это было, по-моему, что-то около 250-ти адресов (я записывал не для статистики, а чтобы иметь адреса), а после аспирантуры количество мест, которые я исходил, было около трехсот" [1, с. 36].

Дух семьи, по воспоминаниям Раббота, своеобразно отразился на его интересах; произошло не только знакомство с иудаизмом и еврейской культурой, но и со сферой социального; а отсюда — философия и социальные науки. По его словам, именно от истории христианства и иудаизма он пришел к пониманию коммунизма. В студенческие годы его тянуло к советской политике, но, начиная с третьего курса, он больше занимался западноевропейской философией. Обучаясь в аспирантуре, он разрабатывал ряд аспектов философии Лейбница и одновременно преподавал социальную философию. Несмотря на долгие поиски, работу по специальности ему не удалось найти, но в 1959 г. он стал завотделом нового журнала "Наука и религия". Издание вскоре стало весьма популярным, и во многом его "лицо" определялось Рабботом; его интересовали вопросы религии, он хорошо писал и успешно овладел редакторским искусством. Журнал был создан по инициативе ЦК КПСС, и Рабботу пришлось осваивать новую для него роль — консультировать по вопросам религии партийных функционеров высокого уровня, участвовать в выработке государственной политики в отношении религии и церкви. Однако в 1965 г., обвинив его в потере идеологической бдительности (была такая формулировка в те годы), Раббота выставили из журнала и сделали все, чтобы он никуда устроиться не мог. Ряд своих жур-

нальных статей Раббот включил в сборник "50 слов о вере и неверии", увидевший свет в 1966 г. [3]. По тем временам то была очень смелая книга.

Но друзья помогли, они представили и рекомендовали его Румянцеву, члену ЦК КПСС, который на посту вице-президента АН СССР отвечал за развитие в стране всего комплекса общественных наук. Его значительные властные полномочия дополнялись многолетними дружескими связями со многими ключевыми фигурами в Кремле. Занимая высокие посты в системе власти, он придерживался либеральных взглядов относительно путей развития советской экономики и активно помогал людям с неортодоксальными для того времени политическими воззрениями, например, А.Твардовскому, М.Гелфтеру, Р.Медведеву. По мнению Раббота, Румянцев фактически был лидером либеральной оппозиции, особенно после провала экономических реформ и событий "Пражской весны". Когда Румянцева освобождали от всех его высоких постов, формулировка в выговоре гласила: "За либерализм".

Понятно, что Румянцев мог позволить себе сотрудничать лишь с человеком, в котором он видел серьезного профессионала, инициативного и ответственного работника, придерживавшегося либеральных взглядов на политику, экономику, общественное устройство в целом, которому полностью доверял. Сам Раббот так характеризовал их отношения: "Я был для него одновременно и помощником, и другом, и душеприказчиком, поэтому он и советовался. Понимал, что я к нему очень хорошо отношусь, что я искренне желаю ему добра" [1, с. 49].

Круг обязанностей Раббота был весьма обширен и включал подготовку, вместе с небольшой командой интеллектуалов, документов по многим направлениям внутренней и внешней политики СССР, а также — по развитию академической науки. После обсуждений с Румянцевым все направлялось в Политбюро, Совет Министров, отделы ЦК КПСС, некоторые предложения вставлялись в доклады Л.Брежневца, А. Косыгина, других ответственных партийных и государственных работников. Кроме того, Раббот писал множество текстов, которые публиковались и докладывались на научных форумах Румянцевым. С одной стороны, это приносило Рабботу определенное удовлетворение, ибо под своим именем он многое вообще не мог опубликовать. С другой, конечно же, в нем копилось внутреннее напряжение, усиливалась обида на "верха" из-за постоянной "эксплуатация его мозгов" и необходимости соблюдения строгого режима секретности в работе.

В исследовательском плане многое из того, что делалось Рабботом в журнале "Наука и религия" и на посту консультанта Румянцева, можно отнести к социологии, возникшей в СССР в конце 1950-х — начале 1960-х гг. Возможно, видя это, Румянцев привлек Раббота, который одновременно был ученым секретарем президиума Академии наук по общественным наукам, к деятельности по созданию академического Института конкретных социальных исследований (ИКСИ), сейчас — Институт социологии РАН. Институт открылся осенью 1968 г., и это стало знаковым событием в современной истории советской / российской социологии.

Академик Румянцев был назначен директором нового института, Раббот создал и возглавил сектор экспериментальных ситуаций. Его интерес к этой проблематике был следствием участия в разработке концепции косыгинской экономической реформы. Раббот не сомневался в перспективности данного направления социологии. Уже первые исследования показывали, что при проведении экономических реформ придется решать серьезные социальные проблемы, такие как массовая переквалификация рабочей силы, перемещение значительных групп населения в мало освоенные регионы страны, создание системы социального обеспечения безработных. В 1970 г. Раббот одним из первых в стране защитил кандидатскую диссертацию по теме социального эксперимента и предполагал двигаться дальше. В том же году ИКСИ была издана его книга "Проблема эксперимента в социальном исследовании" [4]. В конце

лета 1971 г. была в целом завершена докторская диссертация "Специфика социального эксперимента".

Но ситуация в стране изменилась, планы на реформы были свернуты. Румянцев был освобожден от должности директора ИКСИ, сектор Раббота — распущен, в защите докторской диссертации было отказано. Невиданное по тем временам произошло с книгой. Сначала новое руководство института намеревалось сдать тираж в утильсырьё, но потом решило сжечь книгу в институтском дворе на костре. Я не знаю, сколько экземпляров этой книги сохранилось в библиотеках и домашних архивах, но не думаю, что много; ведь ее тираж был 980 экземпляров. Прочитав о такой судьбе книги Раббота о проблемах эксперимента, я попросил Линн Виссон сканировать весь текст, и сейчас, благодаря поддержке Ф.Э. Шереги, книга выложена на сайте <www.socioprognoz.ru>. Несколько лет назад я опубликовал статью, названную "Рассказ о книге, которой нет", то был анализ книги Я.С. Капелюша о выборности на производстве, весь тираж которой пустили под нож [5]. Теперь предстоит написать "о книге, которую сожгли". Так постепенно к нам могут вернуться книги, без которых невозможно глубокое понимание отечественной социологии.

Как замечает Раббот: "Это был последний мощный удар" [1, с. 53], к тому же он "устал от еврейского вопроса" [1, с. 54]. Из ИКСИ ему пришлось уйти, он проработал два года в Институте истории естествознания и техники АН СССР, занимаясь социологией науки, потом — пару лет пробыв в статусе "отказника" (не давали разрешения на выезд из страны). И — отъезд, 1976 г.; больше он в СССР/России не был.

В книгу включено около десятка эссе Раббота, написанных в 1977 — 2010 гг., а также даны названия курсов лекций, которые он вел в 1986-1991 гг. в Колумбийском университете (Нью-Йорк), отдельных докладов, прочитанных в правительственных структурах США, университетах и исследовательских центрах. В них он также предстает как аналитик социальных и политических процессов в Союзе и новой России. Сейчас хранящиеся в его доме документы, рукописи, другого типа материалы переданы в Архив Бахметьева (The Bakhmeteff Archive) в Колумбийском университете.

Когда этот текст был почти закончен, я попросил В.А. Ядова прочитать его. Для меня была ценной любая его реакция, так как при его участии и на его глазах современная российская социология родилась и свыше полувека развивается. Кроме того, он был знаком с Рабботом и потому мог оценить созданный мною его "портрет". Ядов написал: "О Рабботе, думаю, ты написал вполне объективно. Было бы интересно познакомиться с его текстами о политиках высокого ранга" [6].

В рассматриваемую книгу включен ряд ранее публиковавшихся и не публиковавшихся текстов Раббота "о политиках высокого ранга": "Что стоит за увольнением Подгорного", "Открытое письмо Л.И.Брежневу", "Политик в футляре. О вкладе Алексея Косыгина в развитие России и политику детанта". Отдельно отмечу эссе об академике А.М.Румянцеве, это довольно значительный по объему фрагмент из неопубликованной книги "Московская элита: Невидимые политики Кремля".

Но это, явно не все. Линн Виссон любезно прислала мне Лист документов, переданных в Бахметьевский архив. Со многими из хранящегося теперь в США было бы полезно ознакомиться исследователям советской политики и историкам российской социологии. Назову некоторые из материалов:

Неопубликованные лекции: "Anti-Chinese Motivations of Soviet D'tente" (Антикитайская мотивация советской политики детанта); "The Soviet Foreign Policy Mind: Psychological Portraits of Soviet Leaders" (Мир советской внешней политики: психологические портреты советских руководителей); "Soviet Listeners' Reactions to Foreign Radio Stations," (Реакции советских слушателей на иностранное радиовещание). Неопубликованные статьи: "Internal Influence Groups and USSR Foreign Policy" (Группы влияния и советская внешняя политика); "Soviet Domestic

Reactions to Kissinger's Foreign Policy," (Реакции Советского союза на внешнюю политику Киссинджера); "Исторический урок в комнате смеха"; "American Sovietology and Soviet Americanology" (Американская советология и советская американистика). Различные документы и переписка: Дело о романе В.А.Кочетова, "Чего же ты хочешь?"; Дело либерального историка Михаила Гелфтера (включая письмо М.А. Суслову) и его коллег (1969-71); Запись разговора в ЦК Клубы между Карлосом Рафаэлем Родригесом и замдиректора Института экономики мировой социалистической системы АН СССР И.В. Дудинским и секретарем советско-кубинской комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству В.И. Бондарчуком; памятная записка о новой модели социализма в Чехословакии, написанная М.В. Келдышем, А.М. Румянцевым и др.; переписка А.М. Румянцева; дело А. Я. Гуревича по поводу его "либеральных" публикаций по русской истории и т.д.

В целом, прочтение рецензируемой книги, изучение биографии Раббота и ознакомление с его работами дает основание для двух выводов историко-социологического значения.

Прежде всего, Раббот может быть назван одним из первых советских социологов, разрабатывавших проблемы социального эксперимента. Кроме того, допускаю, что анализ документов, которые готовились им для высшего уровня партийного и государственного руководства (уверен, историками социологии это будет сделано), по сути, являются пионерными исследованиями по социологии политики. Наконец, его очерки и эссе о Брежнев, Косыгине, Румянцеве и ряде других представителях власти — это опыт социологического изучения властной элиты.

Второй вывод соотносится с тем, что каждый исследователь входит в историю науки не только как "суверен", с собственным кругом проблематики и уникальным стилем деятельности, но и как представитель определенного поколения ученых. В моем понимании, индивиды совершают прорывы в системе знаний о мире, но наука делается поколениями. В разрабатываемой мною концепции советских / российских профессиональных поколений первое поколение объединяет тех, кто родился в 1923-1934 гг. и кто вошел в социологию "самоучками". Социологии нигде и ни у кого не учился. К этой весьма небольшой по численности группе принадлежит и Борис Раббот.

Литература

1. Борис Раббот: Шестидесятник, которого не услышали. Статьи. Интервью. Воспоминания / Составители Л. Виссон, В. Арканов. — М.: Р. Валент, 2012. — 368 с., илл.; Boris Rabbot: An Unheeded Voice of the 1960s. Articles. Interviews. Reminiscences / Compiled by: Lynn Visson, Vasily Arkanov. — Moscow: R. Valent, 2012. — 358 p., ill.
2. Борис Раббот: Как внутренний эмигрант, я все время жил в закрытой стойке (Интервью Дмитрию Шалину). 2008 <http://cdclv.unlv.edu/archives/Interviews/rabbot_08.html>.
3. 50 слов о вере и неверии [Текст] : мысли и афоризмы / сост., авт. предисл. Ю. Я. Коган, сост., авт. предисл. Б. С. Раббот. — М.: Знание, 1966.
4. Раббот Б.С. Проблемы эксперимента в социальном исследовании. Институт конкретных социальных исследований АН СССР. М.: 1970 <<http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=268>>.
5. Докторов Б. Рассказ о книге, которой нет. (Я.С. Капелюш "Общественное мнение о выборности на производстве") // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. №2. С. 15-19 <http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1202893665366675file.pdf>.
6. Электронное письмо В. Ядова Б. Докторову от 1 октября 2012 г.